
Агафья Вебер
Дом, где засыпает время

Агафья Вебер

Дом, где засыпает время

«Автор»
2026

Вебер А.

Дом, где засыпает время / А. Вебер — «Автор», 2026

В момент, когда внутренних сил совсем не осталось, а безжалостное офисное выгорание накрыло с головой, в жизни Татки случилось чудо. Впрочем, внезапные озарения и раньше спасали её в самые критические минуты, заставляя коллег завистливо шептать «сжечь ведьму» за пугающую интуицию.В этот раз спасение пришло откуда не ждали — в виде наследства. Далекая тетушка, о которой в семье почти не упоминали, оставила ей старый, уединенный дом на самой вершине горы в глухой сибирской деревеньке.Бросив опостылевший мегаполис, Татьяна сбегает в глушь, надеясь просто выспаться и найти тишину там, где избы сиротливо жатся друг к другу вдоль единственной улицы далеко внизу. Но на вершине её горы, среди засыпающего осеннего сада, время словно останавливается, а сам дом преподносит один неожиданный сюрприз за другим. Татке только предстоит узнать, кем на самом деле была её тетя , какой необычный сторож ждал её на деревянной кровати и что за древнее , истинное волшебство просыпается в её душе

© Вебер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 16
Обида запечного хранителя. 16
Глава 5 18
Солёный хлеб, да дух сосновый. 18
Глава 6 20
Шепот на раскалённых углях. 20
Глава 7 23
Брусничная топь. 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Агафья Вебер
Дом, где засыпает время

Глава 1

К одиннадцати часам вечера в офисе осталась только она. И кондиционер, который монотонно, усыпляюще гудел где-то под потолком.

Татьяна сидела, подперев кулаком тяжелую голову, и тупо смотрела на экран. В глазах рябило от бесконечных зеленых ячеек Excel. Цифры, графики, сводные таблицы… За последние восемь лет этот монитор выел её изнутри, оставив вместо живых эмоций серую, сухую пыль.

Рядом остывала уже третья по счету кружка кофе, покрывшаяся тонкой маслянистой пленкой. Татка поморщилась, потерла пальцами ноющие виски. Опять эта звенящая, давящая мигрень. Вся компания уже три дня как праздновала затяжные осенние выходные, но у Татьяны отпуска не было давно. У коллег — дети, путевки, семейные обеды. А Таня — одинокая, безотказная, Таня перетопчется, Таня закроет отчетность перед квартальным аудитом. Руководство привычно вешало на неё все дежурства, а она молча соглашалась, потому что бежать было не к кому.

Дома её ждала только оглушительная пустота съемной квартиры. С мужчинами… с ними всё заканчивалось, даже не начавшись. Последний, кажется, звали его Олег, сбежал месяц назад после обычного ужина в ресторане. Ему просто не повезло: он начал слишком вдохновенно врать про свои карьерные перспективы и покупку новой машины, а Татка просто смотрела на него. Спокойно, в упор, видя всю фальшь насквозь, словно читала раскрытую книгу с крупным шрифтом. Олег под этим взглядом сначала затушевался, начал заикаться, а к концу вечера спешно вызвал такси и больше не звонил. Ни один мужчина не хотел чувствовать себя под рентгеном. Никто не выдерживал её тяжелую, странную энергетику.

Свою нерастраченную силу Татка прятала дома, на подоконнике, где вместо банальных офисных гераней упрямо зеленели горшки с терпкой полынью, чабрецом и дикой мятой. Коллеги крутили бы пальцем у виска, знай они, что ведущий аналитик филиала по ночам плетет сложные, гипнотические мандалы, изучает расклады Таро или, подчиняясь какому-то глухому зову крови, плавит на плитке пчелиный воск, выливая его в чашу с водой. А по выходным в одиночестве застывает в музеях перед витринами с древними, потемневшими от времени медными оберегами, ловя ладонями идущее сквозь стекло странное, покалывающее тепло.

В офисе её за глаза называли ведьмой — за вечно лучшие показатели и пугающую интуицию. Вот как сегодня.

Взгляд Татьяны среди сотен файлов случайно зацепился за невзрачную папку с расчетами, присланную смежным отделом. В затылке резко, болезненно кольнуло. В голове четко, без всякой логики вспыхнула мысль: «Там ошибка. Если не перепроверить, контракт сорвется».

Сотрудник этого отдела, Артем, по телефону божился, что всё выверено до десятых долей. Но Татьяна просто уперлась . И когда парень нехотя открыл базы данных, в трубке повисло испуганное, бледное молчание. Ошибка действительно была — глупая, техническая, способная стоить компании приличных убытков.. Артем тогда только сглотнул и тихо выдохнул: «Ну вы точно ведьма, Татьяна Николаевна…» Начальник на вечерней летучке привычно похвалил её за «гениальную аналитику», а Татке хотелось просто разрыдаться от бессилия. От боли темнело в глазах.

И именно в этот момент, когда на следующий день чаша её выгорания переполнилась, на личном телефоне, заглушая гул кондиционера, запел незнакомый городской номер. Звонил нотариус. Сухой, скрипучий голос бесстрастно сообщил, что где-то в Сибири скончалась её далекая двоюродная тетка, о которой в семье всегда помалкивали. И Татьяне завещан старый деревянный дом в глухой деревне.

Татка медленно опустила трубку. Первая реакция была глухой и злой:— Какая Сибирь? Какой, к черту, дом? Мне только развалюхи в тайге посреди октября не хватало для полного счастья…

Ехать в неизвестность, к черту на кулички, не было ни малейшего желания. Но взгляд упал на монитор, где уже копились новые задачи на завтра, и внутри словно лопнула перетянутая струна. Накатило дикое, отчаянное желание просто сбежать.

На следующий день она молча положила на стол директору заявление. Не на увольнение — накопленных за восемь лет дней отпуска хватило бы с избытком.— Я беру месяц, — отрезала она так, что директор даже не нашелся что возразить.

Она уезжала к этой чертовой деревушке с одной мыслью: «Просто отсижусь. Оформлю документы, посмотрю, что там за избушка, высплюсь пару недель в тишине и вернусь обратно в свой нормальный, понятный мир».

Но нормальный, понятный мир кончился гораздо раньше, чем она предполагала.

Самолет приземлился в Абакане поздним вечером. Когда Татьяна вышла из здания крошечного аэропорта на сырой, пронизывающий ветер, её оглушила темнота. Оказалось, что в это время общественный транспорт до нужного ей района уже попросту кончился. Автобусы не ходили, маршруток не было, а редкие таксисты у терминала заламывали такие цены, что становилось душно.

Ночевать в аэропорту, на жестких металлических сиденьях, среди чужих людей и звенящей пустоты, у Татки не было никаких сил. Внутри всё буквально выло от изнеможения, а впереди лежал еще один тяжелый отрезок пути — до маленькой деревеньки нужно было добираться еще добрых сто тридцать километров сквозь ночную тайгу.

Она стояла у входа в терминал, кутаясь в пальто, и кожей ощущала этот сырой, чужой холод. Голова после перелета гудела. Внутри всё скручивалось в тугой узел от глухого отчаяния и злости на саму себя. Зачем сорвалась? Зачем поверила в это призрачное «спасение»?

Кое-как, перешагнув через собственную гордость и горсть оставшихся нервов, Татка сторговалась с хмурым местным водителем на потрепанной старой иномарке. Заломил он безбожно, но выбора просто не оставалось.

Они ехали в сплошной, давящей темноте. Асфальт быстро закончился, сменившись гравием, а потом и вовсе разбитой, размытой грунтовкой. Машину швыряло на ухабах, фары едва пробивали липкую изморось, а за окном плотной, зловещей стеной стоял вековой сибирский лес. Татьяна закрывала глаза, но мигрень никуда не уходила — она пульсировала в такт ударам подвески.

Когда колеса наконец зашуршали по грязи единственной деревенской улицы, часы показывали глубокую ночь. Деревня встретила её мертвым безлюдьем и глухим лаем собак из-за невидимых заборов. Ни единого огонька, ни одного магазина — только темные силуэты прижавшихся друг к другу изб. Конечная остановка. У черта на куличиках.

Но дом тетушки стоял выше всей этой серости. Он находился на самой вершине горы. Машина с надрывным ревом одолела крутой подъем и замерла у покосившейся деревянной калитки.

Когда Татьяна вышла из салона и расплатилась с водителем, её оглушила тишина. Машина развернулась и уехала, а Татка осталась стоять впотьмах. Она обернулась и замерла: отсюда, с высоты, вся сонная, утонувшая в ночном тумане деревня лежала перед ней как на

ладони. А дом буквально парил над ней, обособленный, укрытый исполинскими соснами. В этот миг ей показалось, что гора защищает её от всего, что осталось там, в прошлой жизни.

Кое-как, нащупывая дорогу, она толкнула тяжелую дверь, вошла в темные сени и замерла на секунду. В нос ударил сложный аромат сухих таежных трав, старого дерева и печной окалины. Сил не было даже на то, чтобы включить фонарик на телефоне.

Впотьмах, ведомая каким-то шестым чувством, Татьяна нашла жилую комнату, наткнулась на широкую деревянную кровать, застеленную толстым лоскутным одеялом, и рухнула на неё прямо как была — в куртке и тяжелых ботинках.

Она провалилась в глубокий, беспамятный сон мгновенно, словно упала в омут. Лишь где-то на самом краю гаснущего сознания промелькнула сонная, ленивая мысль: этот отпуск — всё-таки дорога в один конец. Обратно она не вернется.

Глава 2

Паника ушла не сразу. Татьяна еще несколько минут сидела на кровати, прижав ладони к груди и прислушиваясь к тому, как бешено колотится сердце. Но внутренний контролер, который годами гнал её в офис, требовал дедлайны и бесконечные отчеты, в это утро натыкался на странное, мягкое сопротивление.

Было тихо. Оглушительно, противоестественно тихо. На часах — одиннадцать утра, но косые золотые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь чистое стекло веранды, казалось, никуда не спешили. В их свете медленно, словно в замедленной съемке, кружились золотые пылинки. Вокруг были бревенчатые, янтарные от времени стены, которые пахли сухой хвоей и смолой.

Татка медленно опустила руки и повернула голову. Рядом на лоскутном одеяле, тяжело вздохнув, перевернулся с боку на бок… кто-то огромный.

Татьяна замерла, даже дышать перестала. На тетушкиной кровати, свернувшись плотным клубком, спал кот. Но это был самый невероятный, огромный полосатый кот, которого она видела в своей жизни. Зверь весил навскидку добрых килограммов двенадцать, его мощные лапы заканчивались пушистыми пучками шерсти между пальцев, а на кончиках больших ушей отчетливо темнели самые настоящие рысьи кисточки. Окрас у него был суровый, дикий, лесной — с четкими темными полосами по всему телу и крупной, идеальной буквой «М» на лбу.

Зверь открыл один зеленый, абсолютно осознанный глаз, посмотрел на взъерошенную гостью с легким кошачьим достоинством и сладко потянулся. Городскую панику Татьяны он явно не разделял. Кот приподнялся, вальяжно подошел ближе и коснулся её ладони своей тяжелой, лобастой головой, требовательно заурчав.

Татка, всё еще находясь в легком шоке от размеров этого монстра, машинально потянулась к телефону. Щелкнула затвором камеры, сфотографировала полосатого хозяина дома и по привычке вбила снимок в поисковик. Смартфон, едва ловивший слабую сеть, выдал результат: перед ней был чистокровный, огромный мейн-кун дикого окраса «браун табби». На обороте его потемневшего медного жетона на ошейнике обнаружилась выгравированная надпись: *«Бакс»*. Кот словно понял, что его тайну раскрыли, издал короткое, утробное «мрр-ф» и уселся рядом.

Татьяна поднялась с кровати, ощущая приятную слабость в теле после долгого сна. Старые половицы мягко скрипнули под ногами. На кухне обнаружилась небольшая плитка, старая медная турка и банка с хорошим молотым кофе. Татьяна вздохнула с облегчением , утро явно задалось. Бакс шел следом, беззвучно ступая огромными лапами и внимательно наблюдая за каждым её движением. Татьяна набрала чистой, ледяной колодезной воды из ведра в сенях, засыпала две ложки кофе в турку и включила конфорку. Вскоре по деревянному дому поплыл густой, горьковатый аромат, смешиваясь с запахом сухих таежных трав.

Она перелила дымящийся напиток в простую глиняную кружку, неспешно накинула на плечи мягкий кардиган и вышла на крыльцо. Бакс, как послушный проводник, уселся на деревянную ступеньку рядом.

Она опустилась прямо на теплые, прогретые доски, обхватив ладонями чашку с горячим кофе. Сделала глоток, зажмурилась на солнце, и внутри, тонкими теплыми ручейками, начал разливаться совершенно забытый покой. Настоящий, глубокий, без примеси офисной тревоги.

Высокая гора надежно укрывала её от всего мира. Единственная деревенская улица внизу была видна как на ладони, избы жались друг к другу, но звуки их далекой жизни сюда не долетали. Окруженный вековыми соснами, дом тетушки парил над всей округой.

Допив кофе, Татьяна пошла осматривать свои новые владения. Участок оказался небольшим, но удивительно уютным. Рядом с домом стоял приземистый бревенчатый домишко-времянка с потемневшей от дождей крышей, чуть дальше в тени сосен пряталась старая банька,

от которой до сих пор едва уловимо пахло березовыми вениками и сухим паром. Был здесь и огород, но он совсем не походил на привычные грядки с картошкой.

Когда Татьяна спустилась по тропинке глубже во двор, у неё перехватило дыхание. Было полное ощущение, что она перешагнула невидимую границу и попала в какой-то древний, зачарованный сад.

Здесь росло безумное, невероятное количество цветов. Под дыханием глубокого октября они уже клонили головы к земле, засыпая, увядая и покрывая дорожки мягким ковром из лепестков. Сад умирал под зиму, но в этом увядании не было горя — он просто уходил на покой, засыпая под ковром из жухлой осенней травы. Особым, прощальным костром на фоне потемневших сосен полыхал девичий виноград. Его мощные, тяжелые лозы оплетали всю стену веранды и старый забор, раскрасив октябрь пронзительным, багряно-красным цветом. А между клумбами раскинулись сонные ковры из лечебных трав и специй. Татьяна шла медленно, едва касаясь ладонями пушистых веточек розмарина, терпкой полыни, душистой лаванды и дикой мяты. Воздух здесь был настолько плотным и ароматным, что его, казалось, можно было пить, как целебный нектар.

Время внутри этого сада не просто заснуло — оно остановилось, застыло прозрачной смолой на сосновой коре.

Главный дом снаружи казался суровым, потемневшим от времени сибирским стражем, но внутри он скрывал отголоски какого-то совсем другого, почти невозможного для глухой деревни комфорта.

Тот, кто строил этот дом, явно ценил пространство и свет. Больше всего Татьяну поразил зал: его дальняя стена была полностью переделана в огромное панорамное окно в пол. Стоило проснуться, и перед глазами открывался весь этот засыпающий сад, багряные лозы винограда и глухая, величественная стена векового леса, уходящая к горизонту. Бакс быстро определил это место как свою стратегическую зону: он часами лежал на краю кровати, свесив тяжелые лапы, и меланхолично наблюдал за птицами в саду.

Но настоящий шок Татьяна испытала, когда открыла раздвижную дверь из светлого дерева в глубине дома. Там скрывалась купальня, больше похожая на скрытый оазис. Прямо в полу была вырублена просторная ванна-бассейн, облицованная гладким, приятным на ощупь природным камнем. Над ней тоже красовалось большое окно, выходящее в самую гущу сада. Система подачи воды была устроена безупречно: откуда-то из подземных глубин горы шел горячий, чистейший ключ. Татка быстро полюбила растворять в воде горсть сушеной лаванды или соли, опускаться в теплое каменное ложе и смотреть, как за стеклом на остывающую землю медленно опускаются сумерки или первые снежинки. В такие минуты дом казался абсолютно живым, баюкающим и надежным, словно укутывал её своим древним, печным теплом.

Если сам дом был местом для отдыха и покоя, то приземистая времянка во дворе оказалась настоящим средоточием скрытой силы.

Стоило Татьяне переступить ее порог, как интуиция, за которую в офисе её шепотом звали ведьмой, испуганно и радостно запела. Это был рабочий кабинет ведуньи. Под невысоким бревенчатым потолком плотными, ровными рядами сушились сотни пучков ароматных трав, наполняя воздух густым, почти осязаемым духом чабреца, зверобоя и полыни. На крепких деревянных полках вдоль стен теснились старинные карты с незнакомыми названиями рек и урочищ, склянки из темного стекла, пузатые глиняные горшочки и загадочные инструменты.

В центре времянки стоял небольшой, потемневший от времени деревянный алтарь. На нем, словно дожидаясь новую хозяйку, покоился специальный ритуальный нож с рукоятью из оленьего рога и тяжелая, обтянутая потертой кожей тетрадь-гримуар. Открыв ее, Татьяна завороженно рассматривала аккуратный тётушкин почерк: рецепты лечебных отваров, мазей от суставной боли и подробные схемы, как правильно сочетать и настаивать коренья.

На самой последней странице, свежими чернилами, была выведена короткая надпись: *«Для первых шагов загляни в коробки на веранде»*.

Вспомнив про это напутствие, Татка вернулась на веранду главного дома. Среди стопки привезённых вещей её взгляд тут же зацепился за ту коробку, что стояла в самом низу. На её картонном боку углём был размашисто нарисован крест.

Татка присела на корточки, сдёрнула старый скотч, открыла створки и запустила руки внутрь. На самом дне, завернутый в холщовую ткань, лежал...

Глава 3

Татка бережно потянула за края грубой холстины. Ткань оказалась старой, пахнущей высушенной лавандой и речным илом. Когда верхний слой развернулся, на ладонь Татьяны соскользнул удивительный предмет.

Это были очки. Но совсем не такие, какими пользовались городские хипстеры или близорукие коллеги по офису. Тонкая, изящная оправа была выкована из темного, тускло мерцающего серебра и сплошь покрыта микроскопической вязью древних рун. Но самым невероятным были стекла — вместо обычных линз в оправу были вставлены тончайшие, идеально отшлифованные пластины из дымчатого горного хрусталя. Они казались почти черными, но стоило поймать косой луч октябрьского солнца, как внутри камня вспыхивали глубокие фиолетовые и золотистые искры.

Татка завороженно поднесла очки к лицу и примерила.

Мир вокруг мгновенно изменился. Привычные бревенчатые стены веранды вдруг подернулись легким, полупрозрачным маревом, словно соткались из чистой энергии. Сад за окном вспыхнул миллионами тончайших серебряных нитей, тянущихся от корней деревьев глубоко под землю. Татка испуганно моргнула и перевела взгляд вниз, на Бакса.

Огромный мейн-кун стоял у ее ног, но теперь он не был просто котом. Вокруг его могучего тела колыхалась плотная, защитная золотистая аура, а на кончиках рысьих ушей горели крошечные, едва заметные искорки чистой магии . Бакс посмотрел на нее сквозь дымчатые линзы, и в голове Татки вдруг отчетливо, мягко, словно легкий ветерок, прозвучал чужой, глубокий голос:*«Наконец-то ты надела их. Теперь ты видишь, хозяйка. Но не пугайся того, что скрыто в углах»*.

Татка вздрогнула от этого голоса внутри собственной головы и инстинктивно скользнула взглядом по углам веранды. Сердце пропустило удар.

Там, где за тумбочками и старыми коробками лежали густые тени, пространство шло зыбкой рябью. В одном углу, прямо под потолком, сидело полупрозрачное, хрупкое создание, похожее на переплетение древесных корней с огромными, светящимися фиолетовыми глазами. Оно любопытно наклонило голову, разглядывая Татку. А возле старого дверного косяка Таня отчетливо увидела сгусток теплого, золотистого тумана, который ласково тянул к ней свои дымные полупрозрачные ручки, словно здороваясь. Это не было злом, но сам факт того, что дом под завязку набит невидимой жизнью, заставил её похолодеть.

От неожиданности и нахлынувшего первобытного страха Татьяна вскрикнула, отшатнулась и сорвала очки с лица. Мир тут же схлопнулся до привычных, материальных очертаний. Бакс сидел на прежнем месте, меланхолично вылизывая лапу, и лишь его зеленый , абсолютно разумный взгляд выдавал, что Татке это вовсе не показалось. Сердце колотилось где-то в горле. Мыслеформы от кота? Существа в углах?

Паника снова попыталась поднять голову, но Татка упрямо сжала кулачки. Она приехала сюда за новой жизнью, и отступать было поздно. Спрятав артефакт в карман теплого кардигана, она решила, что ей нужно успокоиться и расставить всё по местам. А для этого нужно было сделать то, ради чего она откладывала дела — спуститься к окраине деревни и навестить тётушку на старом погосте. Лично поблагодарить за дом и за этот пугающий, но манящий подарок.

На деревенское кладбище, притаившееся у самого подножия горы, Татка пришла уже в глубоких сумерках. Октябрьский вечер опускался быстро, укутывая избы сизым печным дымом.

Здесь царила оглушительная, ледяная тишина. Старые деревянные кресты, потемневшие от времени, казались безмолвными стражами. Татка быстро нашла нужный холмик, обнесенный простой оградкой. Присела на скамеечку, положив ладонь на холодную землю.— Спасибо

тебе, тётя, — тихо прошептала она в сгущающуюся темноту. — Дом прекрасен. Сад прекрасен. И Бакс... удивительный. Помоги мне справиться, если сможешь.

Лес вокруг погоста ответил глухим, предостерегающим шумом сосен. Воздух стал настолько холодным, что изо рта пошел густой пар. Почувствовав, как мороз пробирается под куртку, Татка поднялась и поспешила обратно, на свою безопасную, теплую вершину.

Вернувшись, она даже не стала зажигать свет. Дом встретил её надежным, обволакивающим теплом. Сил не осталось совсем — эмоциональные потрясения дня выжали её досуха. Татьяна скинула обувь, забралась под пуховое одеяло на кровати у огромного окна в пол. Бакс тут же прыгнул следом, устроившись под боком тяжелым, греющим мехом. Его мощное, тракторное мурлыканье вибрировало прямо в матрас. За панорамным стеклом сияла огромная луна, заливая зал серебряным светом. Татка закрыла глаза и мгновенно провалилась в свой первый, истинный ведовской сон.

Ей приснилось, что она лежит в своей роскошной купальне-бассейне. Вода, облицованная природным камнем, была идеально горячей, а от поверхности поднимался густой пар с ароматом чабреца и хвои. За панорамным окном медленно, словно в замедленной съемке, кружились золотые листья сада.

У края бассейна, качая в руке пузатый глиняный бокал, безмолвно сидела женщина. В её облике угадывалось неуловимое кровное сходство с Татьяной — те же упрямые скулы, те же изумрудно-золотые глаза, только в волосах незнакомки серебрилась густая седина. Тётя.

Она не произнесла ни единого слова, но её молчание было красноречивее любых речей. Тётя мягко улыбнулась Татьяне и посмотрела сквозь неё, устремив взгляд на окно, за которым чернела глухая стена сибирской тайги. Затем она медленно провела рукой над водой, и пар над бассейном послушно сгустился, превращаясь в живые, осязаемые картины-образы.

Сначала Татка увидела, как над горой стремительно кружится первый крупный снег, укрывая землю — *время на исходе, зима близко*. Затем картинка сменилась: во времянке на алтаре ярко вспыхнули пучки трав и кореньев, наливаясь целебным светом. Следом в туманном мареве промелькнули силуэты странных, невиданных существ, испуганно жмущихся к дверям дома. Тётя беззвучно кивнула, давая понять: они придут за помощью, грань миров истончилась, и Татке нужно успеть собрать силу земли до холодов.

Взмах ладони — и пар соткался в новое видение. Огромная, поваленная бурей сосна на опушке дикого леса. Тётя указала пальцем на её замшелый ствол, а затем сделала жест, будто расстилает платок. В воздухе над водой соткались чёткие образы: половинка темного ржаного хлеба, фактурные узорчатые пряники, плитка горького городского шоколада... И, наконец, старый кожаный кисет с дедовским табаком.

Тётя словно просила о бережности и уважении к тайге и указала на чащу. *Откуп. Закон леса. Без этого Хозяин в свои владения не впустит.*

Женщина мягко протянула руку и коснулась плеча Тани. Серебряная вода в бассейне пошла теплыми кругами, утягивая её обратно в утреннюю реальность.

Татьяна проснулась на рассвете с абсолютным, кристальным пониманием того, что нужно делать. Беззвучные мыслеобразы тёти стояли перед глазами как чёткая, нерушимая инструкция.

На кухне Бакс уже сидел у пустой миски, требовательно постукивая хвостом. Насыпав коту корма, Татка решительно подошла к старому кухонному шкафу. Встав на цыпочки, она дотянулась до самой верхней, покрытой пылью полки. Пальцы наткнулись на что-то мягкое. Это действительно был старый кожаный кисет, от которого до сих пор шел одурманивающий, ядреный запах хорошего домашнего табака.

На кухонном столе Татка расстелила плотный льняной платок. Бережно, в точности повторяя ночное видение, выложила на него увесистую краюху свежего ржаного хлеба, несколько сладких печатных пряников с узорами и дорогую плитку горького шоколада, кото-

рую берегла для себя. Сверху лег дедовский кисет. Связав концы платка тугим узлом, Татка закинула его на плечо.

Она обула теплые сапоги, накинула плотную куртку и взяла из времянки небольшую плетеную корзину для будущих трав и кореньев. Ритуальный нож-атам с оленьей рукоятью она, немного поколебавшись, тоже спрятала во внутренний карман — для уверенности. Очки из горного хрусталя легли в другой карман.

Бакс подошел к входной двери и коротко мяукнул, словно говоря: *«Я с тобой»*.

Они вышли со двора. Утренний туман в октябре был таким густым и плотным, что казался пролитым молоком. Он цеплялся за полы куртки, холодил лицо и полностью скрывал деревенскую улицу внизу. Было ощущение, что гора окончательно отрезала Татку от остального мира, оставив один на один с древней тайгой.

Шаг за шагом Татьяна спускалась к опушке леса. Граница между её садом и дикой чащей обозначилась огромной, вывороченной с корнем старой сосной, чьи замшелые ветви гигантскими лапами перегораживали тропинку. За этой сосной начинался настоящий, дремучий бор, где вековые ели стояли так плотно, что туда почти не проникал солнечный свет.

Татка подошла к сосне. Сердце колотилось в ушах, как сумасшедшее. Она аккуратно сняла с плеча льняной узелок и положила его на ровный, покрытый серым мхом ствол поваленного дерева.

— Я пришла с миром, Хозяин, — негромко, но твердо сказала она в туманную пустоту леса. — Прими откуп и дозволь взять дары земли до зимы.

В ту же секунду туман вокруг поваленной сосны сгустился до неестественной белизны. Птицы, до этого тихо чирикавшие в вышине, разом замолкли. Лес замер, словно сдерживая дыхание.

Пространство вокруг налилось такой плотной, первобытной силой, что у Татки перехватило дыхание — казалось, на неё смотрит сама вековая тайга.

А затем белесая пелена мягко расступилась. Из тумана к поваленной сосне неторопливо вышел невысокий, коренастый старичок. На первый взгляд — обычный деревенский дедушка в поношенном, подпоясанном лыком кафтане буро-зеленого цвета. Но стоило присмотреться, и сердце замирало: в его густую седую бороду вплелись живые веточки черники и сухие сосновые иголки, вместо пуговиц на одежде были завернутые улитки древесной коры, а обут он был в мягкие поршни из прочного мохового дерна.

Самым удивительным были его глаза — глубокие, лучистые, цвета молодой хвои, в которых светилась бесконечная мудрость и задорный, чисто человеческий интерес. Старик остановился у сосны, оперся на суковатый посох и посмотрел на Татку. В его невысокой фигуре чувствовалась такая необъятная мощь, что земля под его ногами, казалось, дышала в такт его шагам.

Он перевел взгляд на оставленный льняной узелок, принюхался и хитро прищурился.

Татьяна не стала дожидаться, пока лесной хозяин заговорит первым. Память крови, дремавшая внутри, сама подсказала правильный жест. Она сделала глубокий вдох, усмиряя трепет в груди, шагнула вперед и поклонилась Лешему в самый пояс, коснувшись пальцами прохладного серого мха на поваленной сосне.

— Не побрезгуй моими дарами, Хозяин, — негромко, с искренним почтением произнесла Татка, выпрямляясь. — Прими этот скромный гостинец от новой хозяйки дома на горе. Дозволь ступить в твои владения, воспользоваться тем, что растет в чаще, и взять лишь то, что мне сейчас необходимо для целительства. Обещаю ходить тихо, лесу не вредить и законы твои чтить.

Несколько мгновений в тайге стояла звенящая тишина — казалось, сам дух леса взвешивал слова гостьи на невидимых весах. Несколько минут тишины и вот его серьезное лицо осветилось невероятно теплой, добродушной улыбкой, прорезавшей сеть древних морщин. Он

весело потер ладошки одна о другую и довольно, заулыбался, отчего веточки черники в его бороде забавно зашевелились. Он обрадовался как маленький ребенок.

— Ишь ты! Поклонилась! В пояс! — голос старика прозвучал как мягкий шелест листвы вперемешку с журчанием лесного ручья. Он проворно подскочил к поваленной сосне, протянул сухую, похожую на кору руку и осторожно принял льняной узелок. — Давно, ох давно меня никто не баловал, не приносил даров!

Он бережно развязал концы платка, и его глаза-угольки загорелись неподдельным восторгом при виде краюхи ржаного хлеба, печатных пряников и плитки темного городского шоколада. Но когда старик наткнулся на дедовский кожаный кисет, он даже зажмурился от удовольствия, вдохнув ядреный, крепкий аромат самосада.

— Люди-то нынче совсем измельчали, — Леший бережно спрятал кисет за пазуху своего буро-зеленого кафтана и грустно покачал головой. — Забывают старых богов. Приходят в чащу как воры, топчут, ломают, берут сколько утащить могут, а спасибо сказать землице ленятся. Не понимают дуралеи, что во всем лад нужен. Нужно отблагодарить Хозяина для того, чтобы и в лесу тебе не пакостили, и для того, чтобы в следующий раз лес сам тебе навстречу свои богатства выкатил. Если ты с уважением — так и тайга к тебе со всей душой!

Татка ступила на тропинку вслед за Лешим, а Бакс бесшумной тенью пристроился чуть позади. Тайга, еще минуту назад казавшаяся чужой и пугающей, теперь словно расступалась перед ними. Солнечные лучи пробивали кружево хвойных лап, подсвечивая влажный осенний мох.

Старик шел ходко, его посох мерно стучал по корням, а сам он то и дело запускал руку в узелок — отламывал по кусочку от печатного пряника и с блаженным видом отправлял в рот.

— Вот тут гляди, — Леший остановился возле раскидистого куста у замшелого валуна и указал посохом на невзрачные, пожухлые листья. — Это корень девясила. Тётка твоя из него такие мази от суставной хворобы варила — у деревенских спины за день разгибались. А нука, доставай свой нож, хозяйка.

Татка присела на корточки, вытащила из кармана нож-атам с рукоятью из оленьего рога. Земля была сырой и податливой. Она аккуратно подцепила лезвием почву, стараясь не повредить корневище, и потянула. Из земли показался плотный, ароматный корень, пахнущий горькой свежестью и смолой. Ей тут же захотелось выкопать еще один, и еще, чтобы корзинка наполнилась до краев.

Леший словно прочитал её мысли. Он легонько коснулся посохом руки Татьяны, останавливая её, и посмотрел на неё своими глубокими изумрудными глазами. Вся его детская веселость вмиг исчезла, уступив место вековой строгости.

— А теперь слушай моё главное напутствие, девочка, и на носу себе заруби, — веско произнес старик. — Тайга — она щедрая, но жадных не выносит. Запомни закон: не жадничай, бери ровно столько, сколько тебе необходимо сейчас. Один корень взяла для дела — и довольно. Остальное пусть в земле сидит, силу копит, лес кормит. Срежешь лишнее из пустого приклада или страха — сгниет в твоей времянке, пользы не принесет, а землю обидишь.

Он откусил кусочек городского шоколада, довольно зажмурился и снова потеплел взглядом:— Будешь и дальше меня вот так дарами баловать, с почтением к лесу относиться — я тебе сам лучшие поляны открывать стану. Заблудишься — выведу, захвораешь — целебную травку под ноги подброшу. Если будет между нами взаимное уважение, конечно же. У нас в тайге только так: ты к ней лицом, и она к тебе со всей душой. Договорились?

— Договорились, Хозяин, — искренне ответила Татка, бережно укладывая единственный корень девясила на дно своей плетеной корзинки. Внутри разлилось удивительное чувство правильности происходящего. Ей больше не нужно было выполнять «планы продаж» и гнаться за бесконечными показателями, как в офисе. Здесь действовал другой закон.

Рядом Бакс одобрительно боднул её колено своей огромной лобастой головой, и в мыслях Татьяны вдруг отчетливо пронеслось короткое, довольное кошачье: *«Хороший уговор. Тимоха бы одобрил»*.

Татка вздрогнула и посмотрела на кота:— Бакс... А кто такой Тимоха?

Кот лишь хитро прищурил глаза и потрусил вперед по тропинке, обгоняя Лешего. Старик-хозяин раскатисто рассмеялся, потирая ладонью спрятанный за пазухой дедовский кисет: — Ох, и весело тебе дома будет, медиум! Ну пойдем, покажу, где сосновую кору для оберегов правильную снять, чтоб дерево не поранить...

Глава 4

Обида запечного хранителя.

Домой Татьяна возвращалась в странном, приподнятом настроении. Корзинка приятно оттягивала руку — на её дне, укрытые влажным мхом, лежали ароматные коренья девясила и плотные пласты сосновой коры, источавшие густой смолистый дух. Тайга за спиной молчала, но Татка кожей чувствовала, что отныне этот вековой бор следит за каждым её шагом.

Бакс шел чуть впереди, гордо задрав полосатый хвост. Очки из горного хрусталя теперь мирно лежали в кармане куртки, и Татка решила пока не искушать судьбу — слишком живыми и пугающими были тени в углах веранды.

В доме было тепло, но Татьяне показалось, что воздух стал каким-то плотным, словно наэлектризованным перед грозой. Зайдя на кухню, она заметила странность: её любимая медная турка висела на крючке строго вверх дном, а на столешнице вокруг банки с кофе был рассыпан тонкий, идеально ровный круг из кофейной гущи.— Бакс, твои штучки? — устало вздохнула она, покосившись на мейн-куна.Кот лишь меланхолично зевнул и ушел в зал. Списав всё на собственную невнимательность и офисную привычку всё забывать, Татка прибрала стол, наскоро перекусила и отправилась во времянку, чтобы разложить травы.

Вечер пролетел незаметно. Эмоциональное истощение после кладбища, леса и встречи с Лешим дало о себе знать — глаза закрывались сами собой. Едва добравшись до деревянной кровати у огромного окна в пол, Татьяна провалилась в тяжелый, крепкий сон.

Она проснулась среди ночи от резкого, первобытного ужаса.

В комнате стояла звенящая, мертвая тишина. За панорамным окном зал заливал холодный, зеленовато-серебряный свет полной луны, окрашивая силуэты сосен в черные тона. Татьяна хотела повернуться на бок, но с ужасом поняла, что **не может пошевелить ни единым пальцем**. Тело стало чужим, налитым свинцом, словно его намертво приколотили к матрасу.

В следующую секунду ей на грудь опустилась невидимая, но страшная, пудовая тяжесть. Дыхание перехватило. Воздух застрял в горле, и Татка начала **медленно, мучительно задыхаться**. Кто-то невидимый, плотный и осязаемый сидел прямо на ней, безжалостно перекрывая кислород и высасывая силы.

Она пыталась закричать, позвать на помощь, но из сжатого горла вырывался лишь слабый, хриплый сип. Сердце бешено, испуганно колотилось в ребра, готовое вот-вот разорваться от паники. В углах зала пространство пошло зыбкой рябью, сгущаясь в темные, антрацитовые сгустки. Морок давил на сознание, утягивая в ледяную бездну. Во рту пересохло, легкие горели от нехватки воздуха, а над самым ухом раздалось тяжелое, обиженное и свистящее дыхание. Дух дома наглядно, жестоко показывал свою власть.

«Дыши, хозяйка. Ломай морок!» — вдруг набатом прозвучал в её голове резкий, вибрирующий мысленный приказ.

В ту же секунду на кровать тяжелым снарядом взлетел Бакс. Огромный мейн-кун с глухим, яростным рыком наступил лапой прямо на грудь Татьяны, туда, где концентрировалась невидимая тяжесть. Раздался тихий, яростный хлопок, похожий на электрический разряд, и удушье мгновенно отпустило.

Татка резко села на кровати, жадно, со всхлипом хватая ртом холодный воздух. Сердце колотилось где-то в горле, руки крупно дрожали. Бакс сидел прямо перед ней, его зеленые глаза в темноте светились диким, потусторонним огнем, а на кончиках ушей искрами полыхала магия .

Кот ткнулся лобастой головой в её ладонь, и сознание Татьяны мгновенно затопило мощной, болезненной мыслеформой. Это были не слова, а прямая передача чужого знания. Татка увидела старую печь, а под ней — древнее, ревностное существо, окутанное багровым защитным пламенем. Дух дома был глубоко, смертельно обижен. Он восторгался, когда новая хозяйка мыла полы и наводила порядок, он согрел для неё комнаты и купальню... А она, ослепленная городским эгоизмом, даже не подумала отблагодарить его за встречу. Оставила хранителя очага без уважения, без законного откупа в первую же ночь.

Тимоха это. Домовой, — транслировал Бакс, и в его ментальном голосе слышалось строгое предостережение. — Он не со зла душил, по закону древнему проучить хотел. Показывал, что ты здесь пока никто. Без откупа и поклона дом тебя задушит».

Остаток ночи Татьяна провела на стуле у кухонного стола, не в силах сомкнуть глаз. Страх постепенно сменялся жгучим чувством вины.

Как только первые лучи розового рассвета коснулись верхушек сосен, она решительно поднялась. Достала из шкафа старинное глиняное блюдо, налила в него до краев свежего молока и положила самый крупный, ароматный печатный пряник. Немного подумав, Татка вытащила из своих вещей плетеный из зеленых и золотых нитей обрядовый шнур-поясок, который возила с собой как талисман.

Со всем этим добром она подошла к печи, опустилась на колени и склонила голову до самых половиц, совершая глубокий земной поклон.

— Прости меня, запечный Хозяин, Тимоха, — искренне, с глубоким трепетом произнесла она в темную нишу подпечья. — Городская моя голова, по незнанию оплошала, законы нарушила. Ты так для меня постарался, дом согрел, а я спасибо сказать забыла. Не держи зла на новую кровь этого рода. Прими дары и угощение, давай жить в ладу и держать защиту дома вместе.

В кухне воцарился абсолютный покой. И вдруг пространство у припечка исказилось, воздух пошел теплым маревом. Татка не увидела домового целиком, но сквозь пелену обычного зрения проступил плотный сгусток серого, искрящегося тумана. Из него протянулась маленькая, покрытая жесткой бурой шерстью рука с длинными пальцами. Она ловко сцапала зеленый поясок, утянула его в темноту, а следом бесшумно скользнул и пряник. Из подпечья донесся глубокий, удовлетворенный вздох, похожий на треск прогорающих в топке сухих дров. Хранитель принял извинения. Морок окончательно рассеялся.

Чуть позже, когда Татка пила чай, приходя в себя, Бакс снова подошел к ней. Он улегся рядом, заурчал, и в голове Татьяны снова раздался ментальный поток от фамильяра, но на этот раз в нем сквозила серьезная забота домового:

«Сменил гнев на милость. Доволен твой Тимоха, поясок как раз по его росту пришелся. Но велел передать тебе следующий закон. Раз уж ты силу медиума приняла, должна знать: в доме он хозяин, а вот за порогом, в старой бане под соснами, другой дух живет. Банник».

Татьяна замерла, прислушиваясь.

«С Банником шутки еще хуже, медиум. Он не знает родства, он знает только силу и строгость. Тимоха говорит, с ним тоже дружить нужно обязательно, ради безопасности и в доме, и в бане. Завтра, как топить соберешься, первый пар ему отдай без остатка, а в углу оставь корочку хлеба, круто замешанную на соли. Не задобришь Банника до первой топки — перекроет исток очищения, впустит морок из Изнанки прямо в твои комнаты. Помни о грани».

Татка посмотрела в окно, где в утреннем тумане среди сосен смутно угадывался силуэт старой баньки. Магический мир вокруг нее разрастался, обретал лица и строгие, порой пугающие правила. Но паники больше не было. Было лишь четкое понимание: она справится.

Глава 5

Солёный хлеб, да дух сосновый.

Октябрьское утро выдалось ясным, но холодным. Иней серебрил жухлую траву в саду, а воздух колол легкие первобытной свежестью. Татьяна только успела закончить свой утренний кофе на крыльце, как Бакс, сидевший рядом, вдруг резко перестал умываться. Его рысьи уши повернулись в сторону калитки, а по телу пробежала волна напряжения. Кончики ушей кота едва заметно вспыхнули золотом.

Через секунду Татка услышала тяжелое, прерывистое дыхание. На тропинке, ведущей снизу, из деревни, показалась женщина. На вид ей было чуть за тридцать, но лицо казалось серым от глубокого, изматывающего отчаяния. К груди она крепко прижимала плотный сверток из лоскутного одеяла, откуда доносился тихий, жалобный, непрекращающийся писк. Так плачут младенцы, когда у них невыносимо болит голова — тонко, надрывно, без сил.

Женщина дошла до крыльца и чуть не упала на колени, глядя на Татку снизу вверх воспаленными от бессонных ночей глазами.— Вы ведь Алевтины племянница? Помогите, Христа ради... — голос женщины дрожал, срываясь на шепот. — Третью неделю не спим. В районе роды принимали, тяжелые были, щипцами тянули... Врачи руками разводят, говорят — терпите, само пройдет. А сыночек мой, Мишенька, заходится, криком кричит. Старухи в деревне сказали: «Иди на гору, к новой ведьме, она голову править умеет, как Алевтина правила». Помогите, помрет ведь мальчик...

Внутри у Татки что-то дрогнуло. Городской контролер испуганно закричал, что у нее нет медицинского образования, но древняя сила медиума, спавшая в крови, отозвалась горячей, уверенной волной. В памяти сами собой всплыли страницы тётиного гримуара : схемы обряда, где младенцу «правят» косточки черепа, мягко выливая воду на раскаленные угли.

— Помогу, — тихо, но твердо сказала Татьяна, поднимаясь. — Но не сегодня. Для такого дела баню истопить нужно, пространство подготовить. Приходи завтра на самом рассвете, как туман осядет. Приноси чистую пеленку и Мишеньку. Всё сделаем.

Женщина разрыдалась от облегчения, прижала сверток к себе и, непрестанно кланяясь, побрела обратно к деревни.

Татка проводила её взглядом и повернулась к Баксу. Огромный мейн-кун смотрел на неё с суровой серьезностью. В голове Татьяны отчетливо пронеслось тяжелое, вибрирующее кошачье мыслевещание: *«Всё правильно решила, хозяйка. Но помни ночной уговор. Чистый пар для дитя нужен. А баня твоя полгода не топлена. Банник там застоялся, заскучал, злится. Если сейчас без поклона огонь разведешь — угаром младенца встретит, морок напустит. Иди на кухню, готовь откуп»*.

Татьяна вернулась в дом. Руки больше не дрожали — на смену страху пришла собранность целителя.

Она достала из закромов тяжелый ржаной хлеб, отрезала увесистую, пахучую горбушку. Взяла крупную каменную соль и круто, не жалея, втерла её в пористый мякиш, пока хлеб не стал белым от соляной корки. Это был древний щит. Соль Банник уважал — она связывала нечистый пар и показывала строгость намерений.

Взяв соленый хлеб и корзинку с березовыми дровами, Татка вышла во двор. Бакс беззвучно шел следом, его хвост нервно подергивался.

Старая банька стояла в самой тени вековых сосен, на границе участка. Снаружи её бревна казались почти черными, обугленными от времени и дождей. Окна были маленькими, мут-

ными, словно слепые глаза. Здесь не было уютного тепла главного дома — от бани веяло застоявшейся сыростью, холодом и той пугающей тишиной, которая бывает на рубеже двух миров.

Татка толкнула низкую, скрипучую деревянную дверь, наклонила голову, чтобы не удариться о косяк, и переступила порог.

Внутри царил полумрак. Пахло сухими березовыми вениками, старой сажей и чем-то неуловимо древним, чужим. Шаги Татьяны гулко отозвались от деревянных половиц. В углу высилась огромная печь-каменка, сложенная из тяжелых речных валунов.

Татка подошла к печи, положила дрова и бережно опустила соленый хлеб на чистое деревянное окошко каменки. Она зажмурилась, сделала глубокий вдох и поклонилась в пояс, обращаясь к самой густой тени в углу предбанника:

— Прими откуп, Хозяин черного пара, — твердо произнесла она, чувствуя, как волоски на руках встают дыбом от внезапно сгустившегося холода. — Пришла новая ведьма из рода Алевтины. Завтра младенца принесу хворобу править, чистый пар нужен, безопасный. Дозволь огонь развести, не гневайся, не пакости, прими дары.

В ту же секунду в бане пронзительно, ледяным сквозняком пролетел ветер, хотя дверь была плотно закрыта. Тяжелые каменные валуны внутри остывшей печи вдруг тихо, угрожающе зашевелились, притираясь друг к другу с глухим скрежетом.

А из самого темного, черного угла за полком послышался тяжелый, влажный шлепок, словно кто-то бросил на лавку размокший березовый веник.

Татка замерла, не разгибая поклона. Пространство в углу сгустилось до черноты. Сквозь полумрак проступили контуры невысокого, угловатого и худощавого существа. Лицо его казалось высеченным из старого обгорелого пня, вместо волос — клочья серого сухого мха, а глаза горели тусклым, багровым огнем, как едва тлеющие угли. От Банника веяло обжигающим жаром и одновременно леденящим сквозняком. На родство и ласку, как Тимоха, этот дух не откликался — он оценивал силу.

Банник медленно повернул голову к печи. Его длинные, похожие на обгорелые ветки пальцы коснулись белой от соли хлебной корки. Стоило ему прикоснуться к откупу, как багровый огонь в его глазах удовлетворенно мигнул. Камни в печке разом затихли, а тяжелый, давящий морок в помещении сменился чистым, густым ароматом сосновой смолы и старого дерева.

Из угла донесся глухой, гортанный звук, похожий на шипение воды, пролитой на раскаленный валун.

Рядом Бакс медленно выпрямился, его уши расслабились. В сознании Татьяны четко отпечаталась короткая, рубленая мыслеформа фамильяра:

«Принял. Хлеб соленый ему по нраву. Дозволил топить. Завтра угар не пустит, пар будет чистым, целебным. Но помни: третью порцию горячей воды после обряда оставь в тазу ему, чистый веник на полок положи и уходи не оглядываясь. Его время — полночь».

Татка облегченно выдохнула, еще раз кивнула темному углу и принялась аккуратно складывать березовые дрова в зев печи. Первое испытание рубежа было пройдено. Завтра на рассвете ей предстояло принять своего первого человеческого просителя и впервые применить древнюю родовую магию.

Глава 6

Шепот на раскалённых углях.

На рассвете гору заволок густой, морозный туман, но к моменту, когда солнце робко коснулось верхушек сосен, баня уже была готова. Татка истопила её строго по часам, как велели смутные образы из тетради тёти. Из невысокой трубы в прозрачное небо сизым столбом уходил сухой, чистый дым, пахнущий березовым дегтем и сосновой смолой.

Татьяна стояла в предбаннике, одетая в простую холщовую рубаху. Руки её были чисто вымыты, а на дне деревянного ушата остывала родниковая вода, в которой всю ночь настаивались корни девясила и цветы ромашки. Бакс сидел на лавке у двери, его хвост мерно отстукивал такт по доскам, а глаза неотрывно следили за входом.

Скрипнула калитка. Из тумана стремительной, испуганной тенью вышла вчерашняя женщина. На её бледном лице застыл немой вопрос, а лоскутный сверток в руках слабо, жалобно вздрагивал.

— Заходи, раздевайся и раздевай мальца, — тихо, но с нажимом сказала Татка, пропуская просительницу внутрь. — Сама на лавку садись, в предбаннике жди. Ребенка мне отдай. Главное — не плачь и не зови его, пока я внутри буду. Лес слушает, дом слушает, мешать нельзя.

Женщина покорно, трясущимися руками развернула одеяло. Маленький Мишенька, бледный, с синеватой сеточкой венок на висках и странно вытянутым, деформированным после тяжелых родов черепом, тихо хныкал. Стоило Татке бережно принять младенца на руки, как её ладони прошила внезапная, покалывающая волна тепла. Городской страх испарился. Сила медиума, дремавшая в крови рода, развернулась, подсказывая каждое мимолетное движение .

Татка толкнула тяжелую дверь в саму парную и шагнула внутрь вместе с ребенком.

Здесь царил благодатный, густой и мягкий жар. Воздух был чистым, без единого намека на угар. В дальнем углу парной, прямо на верхнем полоке, лежал свежий, распаренный березовый веник, а рядом... Татка отчетливо увидела, как в густом мареве пара мелькнул подол белой рубахи в пол, облепленный зелеными листьями, и растаял в темноте. Банник держал рубеж, как и обещал, оберегая чистоту пара.

Татка уложила младенца на теплую, застеленную чистой пеленкой лавку. Мальчик вдруг затих, перестав плакать, и уставился на нее круглыми, удивленными глазками.— Ну тихо, маленький, тихо, — зашептала Татка, чувствуя, как её пальцы становятся горячими, почти обжигающими.

Она зачерпнула ковшом травяную воду из ушата и плеснула на раскаленные речные валуны печи-каменки. Банька отозвалась утробным, довольным шипением. Пар взвился к потолку, окутывая их ароматным облаком.

Татка закрыла глаза. Пальцы её рук двигались сами собой, повинуясь древней памяти. Она мягко, невесомо легла ладонями на деформированную головку Мишеньки. Подушечки пальцев чутко нащупали каждый шов на черепе младенца, каждую зажатую косточку, где скопилась леденящая боль от щипцов.

В эту секунду Татка почувствовала, что видит изнанку. Через её руки в тело ребенка потекла золотистая, мягкая энергия земли, смешанная с сосновым духом бани. Она начала «катать» и мягко править кости черепа — без капли давления, одними лишь теплыми, круговыми пассами, убирая внутреннее напряжение и возвращая косточки на их природные места. Младенец под её руками глубоко, сладко вздохнул и обмяк, полностью расслабляясь. Вся синева с его висков начала на глазах таять, уступая место здоровому, розоватому румянцу.

Татка шептала древние, глухие слова заговора, которые никогда раньше не знала, но которые сейчас сами срывались с губ, падая вместе с каплями пота на раскаленные камни:— Вода-водица, смой хворобу-границу, косточки расправь, лад в голове поставь. Как пар в небо уходит, так и боль с младенца сходит. Банный хозяин огонь держит, род Алевтины силу множит...

Камни шипели, принимая пепел чужой болезни. Обряд длился, казалось, вечность, пока Татка не почувствовала, что швы под её пальцами встали идеально ровно, а пульсация на родничке мальчика стала спокойной, ровной и глубокой. Мишенька крепко, безмятежно спал, уткнувшись носиком в пеленку.

Татка, тяжело дыша и чувствуя приятную, опустошающую усталость целителя, бережно завернула ребенка и вышла в предбанник. Мать вскочила с лавки, вглядываясь в лицо Татьяны. — Забирай, — тихо улыбнулась Татка, передавая спящий сверток. — Спать теперь будет крепко. Головка больше не заболит. Домой ступайте тихо.

Ни с кем по дороге не заговаривай, пока порог своего дома не переступишь.

Женщина прижала к себе спящего сына, коснулась пальчиками его округлившейся, ровной головки и разрыдалась от безмерного, оглушительного счастья. Она сунула Татке в руки узелок с домашним творогом, свежими яйцами и, непрестанно беззвучно кланяясь, почти выбежала из бани, спеша унести свое исцеленное сокровище.

Татьяна осталась одна в предбаннике. На неё накатила свинцовая, опустошающая целительская усталость — ноги подкашивались, руки мелко дрожали. Она поняла, какую цену платят медиумы за прикосновение к чужой судьбе. Но долг нужно было закрыть до конца.

Помня строгий наказ, Татка вернулась в парную. Превозмогая слабость, она налила в чистый деревянный таз третью порцию горячей травяной воды, положила на полок совершенно новый, нетронутый березовый веник и, поклонившись пустеющему углу, тихо произнесла:— Спасибо, Хозяин, за чистый пар и за помощь. Твоё время настает.

Она вышла и плотно прикрыла за собой тяжелую дверь бани. На крыльце её встретил Бакс. Огромный мейн-кун подошел, понимающе боднул её колено своей тяжелой лобастой головой, и в мыслях Татьяны пронеслось теплое, вибрирующее кошачье: *«Горжусь тобой, хозяйка. Род Алевтины снова в силе. Иди в дом, Тимоха уже печь истопил и праздничную кашу на стол выставил. Заслужила»*.

Татка оперлась на деревянные перила, глядя, как туман над садом окончательно тает под яркими лучами октябрьского солнца. Она больше не была выгоревшей офисной сотрудницей. Она была Хозяйкой этой горы.

Ноги едва держали её. Колени подкашивались от накатившей целительской слабости, а ладони до сих пор горели остаточным, покалывающим теплом родовой магии . Кое-как дойдя до крыльца главного дома, Татка толкнула тяжелую дверь и переступила порог.

В доме царило живое тепло. Пахло топленым молоком, печным дымом и сладкой разваристой кашей. Бакс, беззвучно трусивший следом, вдруг коротко мурлыкнул и уселся прямо посреди кухни, выжидательно уставившись на пространство возле печи.

Татьяна обессиленно опустилась на деревянный стул у стола, готовая прямо сейчас положить голову на столешницу и уснуть. Но стоило ей закрыть глаза, как в углу раздалось негромкое, кряхтящее ворчание и шуршание маленьких шагов.

Татка распахнула глаза и замерла, боясь даже дышать.

Из тени запечья, переваливаясь с боку на бок, неторопливо выходил маленький человечек. Ростом он был чуть выше колена Бакса. Весь покрытый густой, мягкой бурой шерсткой, с круглой, как колобок, головой, на которой топорщилась окладистая седая бородка. Но самое главное — поверх чистой, аккуратной холщовой рубахи старичок был с гордостью, щегольски подпоясан тем самым зеленым с золотом шнурком-пояском, который Татьяна оставила ему утром на припечке.

Домовой подошел к столу, сердито зыркнул на ошеломленную девушку своими крошечными, блестящими, как бусины, глазками и упер руки в бока.

— Ну чего расселась, городская? — голос Тимохи оказался на удивление басовитым, похожим на доброе ворчание старого деда. — Силу-то всю растрясла в бане, смотреть тошно, бледная как поганка деревенская! Ешь давай, кашу, пока горячая, Алевтина всегда после правки кашу с маслом наворачивала, чтоб дух в теле держался.

Он ловко подтолкнул пухлой мохнатой ручкой глиняный горшок с дымящейся пшенной кашей прямо к её руке, а затем смешно, с достоинством поправил свой новый нарядный поясок.

Татка смотрела на него, чувствуя, как по щекам катятся слезы — не от страха, а от невероятного, щемящего чувства дома, защиты и тепла, которого ей так не хватало всю жизнь.

— Спасибо тебе, Тимоха, — тихо, искренне прошептала она.

Старичок смутился, забавно фыркнул в бороду, буркнул что-то про «неумеху городскую» и шустро прыгнул обратно в запечную тень, оставив после себя лишь ощущение абсолютного, нерушимого покоя. Бакс подошел ближе, положил тяжелую лобастую голову Татьяне на колени и мысленно подтвердил: *«Ну вот теперь — дома»*.

Глава 7

Брусничная топь.

После вчерашнего обряда в бане Татка проспала больше двенадцати часов. Сила, заставившая вчера выложиться до конца, полностью вернулась, наполнив тело звенящей, горячей энергией. Тимоха больше не прятался — он деловито шуршал на кухне, то и дело поправляя свой новый зеленый поясок, а Бакс преданно крутился у ног.

Вспомнив наказ Лешего о том, что нужно успеть собрать коренья до снегов, Татка накинула куртку, взяла корзину и нож-атам. Очки из горного хрусталя она привычно спрятала в карман. Ей отчаянно, до дрожи в коленях хотелось проверить свой дар на воле и посмотреть на мир без страха, в полную силу.

Октябрьское солнце стояло высоко, окрашивая верхушки вековых сосен в глубокое золото. Бакс тенью скользнул за калитку, увлекая хозяйку за собой вглубь леса. Отойдя поодаль, туда, где вековой бор смыкался над головой зеленым куполом, Татьяна остановилась. На секунду ей показалось, что вокруг стоит обычная, тихая сибирская осень — шуршали под сапогами жухлые листья, пахло сыростью и хвоей.

Татка глубоко вздохнула, достала очки в серебряной рунической оправе и медленно надела их.

Мир взорвался. Татьяна пошатнулась, хватаясь рукой за ствол ближайшей березы, и пришла в неописуемое, ошеломляющее состояние. У нее перехватило дыхание, а к горлу подступил комок от осознания: *как… как она могла ходить по этой земле раньше и быть настолько слепой?!*

Тайга больше не была просто скоплением деревьев. Она была единым, гигантским, пульсирующим организмом чистой магии. Сквозь линзы хрусталя Татка видела, как от корней вглубь земли уходят сияющие изумрудные и серебряные нити — живые вены леса. Воздух был соткан из мерцающей пыльцы.

Но самое невероятное — духи леса. Они были повсюду.

На ветках старой ели, раскачиваясь, сидели крошечные, похожие на сухие сосновые шишки создания с лучистыми янтарными глазками. Они беззвучно пересмеивались, разглядывая Татку. Из густого ковра мха то и дело выглядывали любопытные мордочки лесовиков, сотканные из переплетения травинок и капель росы. А чуть поодаль, в лучах солнца, лениво перетекала с ветки на ветку полупрозрачная, изящная дева-дриада, сотканная из золотистого березового сока и палой листвы. Весь лес дышал, пел на тысячу невидимых голосов, переливался тонкими энергиями. Это было так величественно и свято, что Татка заплакала, не в силах сдержать эмоций. Вся её былая жизнь показалась серой песчинкой по сравнению с этим бьющим через край великолепным миром.

Задумавшись, полностью очарованная этим зрелищем, Татьяна не заметила, как сошла с проторенной тропинки. Хрустальные очки показывали ей сияние духов, но скрывали земные ориентиры. Вековой бор начал незаметно расступаться, сосны сменились низкорослыми, кривыми березками, а мох под ногами стал подозрительно мягким, влажным и пружинящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.